

Вырезка из газеты

ОМСКАЯ ПРАВДА

г. Омск

2 x АПР

от

1989

стр. №

Дневник искусств

Он выходит к зрителям просто, по-домашнему, и голос его негромок, доверителен. Будто это — не ежедневная, многолетняя, напряжённая работа артиста, а долгожданный разговор с близким другом.

Шолом Алейхема и Марка Твена. Живущих в этом мире одолевают разные заботы — большие и маленькие, высокие и будничные. Их обуревают разные, противоречивые чувства — перед одними можно почтительно склонить голо-

ДОБРЫЙ МИР КАМИНКИ

Здесь как-то неуместно употребить общепринятое «контакт со слушателем». Здесь более верно сказать словам поэта: «кончается искусство, и дышат почва и судьба». Это дыхание подлинной жизни и достоверной человеческой судьбы настолько властно, что доверие слушателя приходит мгновенно.

Вверяясь Каминке, мы вступаем в огромный и сложный мир. Вступаем не впервые — мы уже проходили по его дорогам и в детстве, и в юности, и в пору зрелости. И все-таки это — заново. Когда идешь рядом с мудрым и зорким спутником по знакомой наизусть улице, и она может предстать перед тобой внезапно и удивительно новой. А тут — целый мир, построенный на века и на века волнующий, — мир Чехова и Горького, Куприна и Бунина.

ва, над другими снисходительно улыбнуться. У Эммануила Каминки свой надежный ориентир в этом мире — доброта. Не добренькое сострадание, не равнодушное понимание — высокая, воинствующая, славящая человеческое в человеке доброта.

Она не однолика, в ее глазах — то пронзительная зоркость, то доброе лукавство, то мудрая, светло-спокойная грусть, то боль, восходящая к трагизму, в купринской «Леночке» — светлый взволнованный взгляд из зрелости в юности, вера в бессмертие и прекрасную целеустремленность жизни. В бунинском рассказе «В Париже» — напряженное раздумье о хрупкости человеческого счастья, соединенное с призывом беречь и охранять лучшие мгновения. В «Трех еврейских календарях» и «Праздноватающемся» Шолом Алейхема

— боль за униженного сильными мира бедняка и восхищение им, не славшимся. Во фрагментах из воспоминаний Горького о Льве Толстом — пристальное внимание к гигантскому уму и противоречивому характеру гения. В чеховском рассказе «В Москве» — кричащая тревога за судьбу человека, скатившегося в застойное и чванливое болото мещанства.

Литературные вечера Эммануила Каминки отмечены хорошим вкусом, глубоким пониманием стиля исполняемого произведения, тонкостью трактовок, благородной сдержанностью, гармоничным слиянием интеллекта и эмоциональности.

Они полны контрастов, вечера Каминки, и контрасты эти властно изменяют настроение зала. Только что он подчинялся миюрной тональности бунинского рассказа «В

Париже». И вот — сначала улыбки, потом — неудержимый смех: звучит чеховская «Сирена», в которой — и усмешка над мечтами чревоугодника, и язычески неукротимый гимн простым радостям жизни. Слушая Шолом Алейхема, мы хохочем над уловками мелкого торговца - еврея, чтобы в финале рассказа потрясенно умолкнуть под трагической тяжестью безнадежного вопроса: а что делать, если дома — голодные дети?

В итоге мы выходим из зала с большим чувством благодарности. Благодарности за добрый и светлый дар Эммануила Каминки — заслуженного артиста РСФСР, лауреата Всесоюзного конкурса, одного из ведущих советских мастеров художественного слова. За открытые заново прекрасные страницы человеческой мысли.

А. ШЕЛОНИНА.

НА СНИМКЕ: читает Эммануил Каминка.

Фото М. ФРУМГАРЦА.